

Редакционная коллегия:

проф. *В. И. Авдиев*, акад. АН АрмССР *С. Т. Еремян*,
д.и.н. *К. К. Зельин* (зам. главного редактора), д.и.н. *Д. П. Каллистов*,
к.и.н. *Ю. К. Колосовская* (ответственный секретарь),
д.и.н. *М. А. Коростовцев*, акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*,
чл.-корр. АН СССР *Н. В. Пигулевская*, к.и.н. *И. М. Постовская*,
к.и.н. *О. И. Савостьянова*, проф. *С. Л. Утченко* (главный редактор),
д.и.н. *Е. М. Штаерман*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

А. С. Шофман

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АНТИЧНОСТИ

В СВОИХ биографических статьях «Карл Маркс» и «Фридрих Энгельс» В. И. Ленин рассматривает творчество великих ученых и революционеров, основоположников научного социализма как единое неразрывное целое¹. «С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом»².

Ф. Энгельс, подобно своему духовному брату К. Марксу, был великим революционным мыслителем, стратегом и борцом. «Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со всеми сочинениями Энгельса»³.

Роль Энгельса как основоположника научного коммунизма показана в многочисленных произведениях и письмах самого Маркса, который характеризует своего друга и соратника как одного «из самых выдающихся представителей современного социализма»⁴.

В. И. Ленин писал, что Энгельс принадлежит, «подобно Марксу, к тем редким и редчайшим писателям, у которых в каждой фразе каждой крупной их работы есть замечательная глубина содержания...»⁵.

Точно так же и все, что писал Ф. Энгельс по вопросам древней истории, является неотъемлемой частью теоретического наследия Маркса и Энгельса в целом. Древней историей Энгельс стал интересоваться с детских лет, с тех пор, когда его дед-профессор, ректор Хамеского университета, охотно рассказывал своему внуку о греческой поэзии, о Риме и Ганнибале, передавал греческие героические сказания о Тезее, Геркулесе, Минотавре и Золотом руне, внушив ему любовь к античной мифологии⁶. Во время учебы в гимназии Эльберфельда, считавшейся одной из лучших во всей Пруссии, Энгельс проявил исключительные лингвистические способности. Особенно прочные знания он приобрел по латинскому, греческому и французскому языкам. Молодой гимназист свободно переводил Ливия, Цицерона, Вергилия, Горация, с греческого легко переводил Гомера, Еврипида и искусно улавливал ход мысли в платоновских диалогах⁷. На одном учени-

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 43—93; т. 2, стр. 1—14.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 5.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 93.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 241.

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 50.

⁶ О. Корню, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, т. I, М., 1959, стр. 125.

⁷ М. В. Серебряков, Фридрих Энгельс в молодости, М., 1958, стр. 12.

ческом празднике в эльберфельдской гимназии в сентябре 1837 г. он прочитал написанное им греческое стихотворение, в котором был изложен поединок Этеокла и Полиника⁸. В Бремене Энгельс быстро осваивает многие европейские языки. Одно из своих писем к школьному товарищу в Бармен он начинает на греческом языке, продолжает по-латыни, затем переходит на английский, итальянский, испанский, португальский, французский, голландский языки⁹. Тут же он в стихах, написанных гекзаметром, излагает сравнительные достоинства разных языков. Для подготовки доклада о «Книге откровения», который Энгельс читал в семинаре берлинского профессора Бенари в 1841 г., когда отбывал в Берлине воинскую повинность, он собрал большое количество выписок на древних языках¹⁰.

В последующие годы Энгельс не оставлял занятий древней историей, как греческой и римской, так особенно историей древних германцев.

В письме к Марксу от 28 мая 1876 г. Энгельс отмечает, что для работы над книгой «Анти-Дюринг» ему оченьгодились и во многих отношениях облегчили дело «повторные занятия древней историей» и «естественно-научные занятия»¹¹. И действительно, содержание этого труда свидетельствует о глубоком проникновении в сущность проблем древней истории.

Изучение древней истории никогда не было для Энгельса самоцелью, но средством познания закономерностей развития мировой истории и движения современного ему общества. Еще на заре их удивительной дружбы с Марксом он писал последнему в начале октября 1841 г.: «Пока наши принципы не будут развиты в нескольких работах и не будут выведены логически и исторически из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение, настоящей ясности в головах не будет, и большинство будет блуждать в потемках»¹².

К изучению истории античного общества Энгельс подходил сугубо исторически, выступая против стремлений буржуазных ученых переносить на отношения древности современные законы, требуя рассматривать эти отношения исходя из внутренних присущих ей закономерностей.

В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс подвергает критике Гегеля за то, что он пренебрегает этими правилами: «...вместо того, чтобы объяснять историю древней Греции из ее собственной внутренней связи, Гегель просто-напросто объявляет, что эта история есть не что иное, как выработка „форм прекрасной индивидуальности“, осуществление „художественного произведения“ как такового. При этом он делает много прекрасных и глубоких замечаний о древних греках, но тем не менее нас в настоящее время уже не удовлетворяют подобные объяснения, представляющие собой одни только фразы»¹³.

Противник пустых фраз, глубокий исследователь, блестящий полемист, Энгельс создал оригинальную, стройную концепцию античной истории. Его произведения наряду с трудами Маркса и Ленина — первоисточниками марксистско-ленинской теории — составляют основу для творческого развития исторической науки вообще и науки об античности в частности¹⁴.

⁸ Корню, ук. соч., стр. 127, 133 сл.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 293—294. Энгельс знал множество языков, он говорил и писал на 12, а читал почти на 20 языках.

¹⁰ В. Адоратский, Сообщение Института Маркса, Энгельса, Ленина об издании работ Ф. Энгельса, «Под знаменем марксизма», № 5, 1935, стр. 25.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 16.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 16.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 307.

¹⁴ Л. А. Леонтьев, Энгельс и экономическое учение марксизма, М., 1965, стр. 4.

* * *

Разрабатывая теорию научного коммунизма, Маркс и Энгельс уже в 40-е гг. много внимания уделяли экономическим вопросам, особенно вопросам собственности. В совместной работе Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» (1845), главная цель которой состояла в «сведении счетов»¹⁵ с «прежней философской совестью» и где главной целью было — «уяснение дела самим себе», имеется уже постановка проблемы о формах собственности и, в частности, античная форма собственности характеризуется как результат более развитого разделения труда, ее особенность и своеобразие получают здесь яркое освещение¹⁶.

Через все высказывания Энгельса об античной экономике красной нитью проходит мысль, что ее основу составляло рабство. Именно на этой основе развивалась экономическая, политическая и духовная жизнь древней Греции и древнего Рима. И в трудах Маркса, который не ставил перед собой специальной задачи исследовать историческое значение античного рабства, можно найти определение ряда существенных его особенностей, но именно Энгельс впервые поставил проблему роли рабства в изучаемом с марксистских позиций всемирно-историческом процессе развития человечества¹⁷.

Интерес к изучению проблемы античного рабства у Энгельса возник уже в начале его творческой и революционной деятельности в связи с изучением других форм эксплуатации, особенно эксплуатации пролетариата и поисков путей его освобождения.

В одной из первых своих работ «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс дает сравнительный анализ положения рабочего и раба. Рабство наемного раба он сравнивает с прежним открытым рабством. Отличие от старого откровенного рабства состоит в том, что «современный рабочий *кажется* свободным, потому что он продается не раз навсегда, а по частям, на день, на неделю, на год, и потому что не один собственник продает его другому, а он сам вынужден таким образом продавать себя, ибо он раб не одного человека, а всего имеющего класса»¹⁸. Он продается как товар как товар повышается и падает в цене¹⁹, но если существование раба обеспечено личной выгодой его владельца и раб гарантирован по крайней мере от голодной смерти, то пролетарий предоставлен исключительно самому себе²⁰.

Эти мысли Энгельса получают дальнейшее развитие во время работы над «Манифестом Коммунистической партии». Манифест, вышедший в свет в феврале 1848 г., — плод совместной работы Маркса и Энгельса, хотя сам Энгельс в 1888 г. в предисловии к английскому изданию этого труда считал своим долгом отметить, что «основное положение, составляющее его ядро, принадлежит Марксу»²¹. При написании «Манифеста» был широко использован предварительный вариант программы Союза коммунистов, написанный Энгельсом. В письме от 23—24 ноября 1847 г. он сообщает Марксу из Парижа в Брюссель о составленном им черновике Коммунистического манифеста. «Я начинаю, — пишет Энгельс, — с вопроса, что такое коммунизм, и затем перехожу прямо к пролетариату — история его происхождения, от-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 8; т. 21, стр. 370.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 21, 62.

¹⁷ Я. А. Ленцман, Рабство в Микенской и Гомеровской Греции, М., 1963, стр. 44.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 315.

¹⁹ Там же, стр. 315. Позднее Энгельс скажет, что развитие обмена на основе частной собственности имело своим прямым результатом превращение рабов в товар. «Едва люди начали менять, как уже они сами стали предметами обмена» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 175).

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 349.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 367.

личие от прежних работников, развитие противоположности пролетариата и буржуазии, кризисы, выводы»²².

Рассматривая в этой работе вопрос о роли пролетариата, Энгельс выясняет сходство и различие между пролетарием и рабом. Раб продан раз навсегда, пролетарий должен продавать себя каждый день и каждый час. В этом одно из отличий пролетария от раба. Раб является собственностью господина, определенного лица, естественно заинтересованного в том, чтобы выжать из раба всю его производительную энергию. Поэтому раб пользуется обеспеченным существованием, как бы жалко оно ни было. Каждый отдельный пролетарий является, так сказать, собственностью всего буржуазного класса. Его труд покупается только тогда, когда кто-нибудь в нем нуждается, и поэтому он не пользуется обеспеченным существованием. Такое существование обеспечено только рабочему классу в целом. В этом другое отличие пролетария от раба. Раб стоял вне конкуренции, пролетарий подчинен конкуренции и ощущает на себе все ее колебания. В этом третье отличие раба от пролетария. Раб считается лишь вещью, а не членом рабовладельческого общества. Пролетарий же признается личностью, членом гражданского общества. Он принадлежит к обществу, стоящему на более высокой ступени развития, и сам он стоит на более высокой ступени развития, чем раб. «Раб освобождает себя тем, что из всех отношений частной собственности уничтожает одно только отношение рабства и благодаря этому тогда только становится пролетарием; пролетарий же может освободить себя, только уничтожив частную собственность вообще»²³.

Рецензируя и популяризируя I том «Капитала» Маркса, Энгельс в ноябре 1867 г. указывал, что с выходом в свет этого сочинения уже нельзя будет не делать никакого экономического различия между рабским трудом, крепостным трудом и свободным наемным трудом²⁴. В другой рецензии на это же сочинение, относящейся к марту 1868 г., Энгельс, подчеркивая мысль о том, что угнетенный класс во все времена должен был доставлять неоплаченный труд, в частности, отмечал, что «в течение весьма продолжительного времени, когда господствующей формой организации было рабство, рабы были принуждены работать гораздо больше, чем им это возмещалось в форме жизненных средств»²⁵.

К проблеме рабства Энгельс снова возвращается в «Анти-Дюринге», где много места уделяет вопросу о происхождении этого социального института и его роли в жизни античного общества²⁶. Выступая против теории насилия Дюринга, Энгельс показывает, что рабство стало возможным только на известной ступени развития производства и распределения. Он показал, что рабский труд стал основной чертой определенной общественной формации, стал господствующим способом производства во всем обществе только тогда, когда это общество достигло некоторой степени развития производства, торговли и накопления богатства. Поэтому в древних первобытных обществах с общей собственностью на землю рабство или вовсе не существовало или играло лишь весьма подчиненную роль. Таково было положение в древнем крестьянском городе Риме. Только тогда, когда Рим стал «мировым городом» и землевладение в Италии все более и более сосредоточивалось в руках малочисленного класса богатейших собственников, рабский труд стал господствовать в римском государстве²⁸. Если во времена Персидских войн в Коринфе и в Эгине на каждого свободного жите-

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 102.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 325.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 222.

²⁵ Там же, стр. 243.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 185.

²⁸ Там же, стр. 164.

ля приходилось по десять рабов, то для этого требовалось нечто большее, чем «насилие», а именно — высокое развитие искусства и ремесел и обширная торговля²⁹. Эти положения, опирающиеся на основные выводы марксистского экономического учения, заставляют историка - марксиста пристально изучать своеобразие форм рабского труда в обществах древнего Востока, Греции, Рима на различных этапах исторического развития.

Выступая против пустых и громких фраз, против «потоков нравственного гнева» по поводу рабства, которые ни на йоту не содействуют правительному пониманию того, как возникло это учреждение, что его подерживало и какую роль оно играло в истории, Энгельс четко показывает роль рабства в истории человеческого общества и подчеркивает, что введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед³⁰. «При исторических предпосылках древнего, в частности греческого, мира переход к основанному на классовых противоположностях обществу мог совершиться только в форме рабства. Даже для самих рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых вербовалась основная масса рабов, оставались теперь, по крайней мере, в живых, между тем как прежде их убивали, а еще раньше даже жарили и поедали»³¹. «Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той мере необходимо, в какой и общепризнано»³². Вместе с тем Энгельс подчеркивает не менее важную мысль об ограниченности этого прогресса. Он показывает, как с течением времени прогрессивная стадия развития производства на основе рабства превратилась в свою противоположность. В подготовительных работах к «Анти-Дюрингу» он писал: «Рабство — там, где оно является господствующей формой производства, — превращает труд в рабскую деятельность, т. е. в занятие, бесчестящее свободных людей. Тем самым закрывается выход из подобного способа производства, между тем как, с другой стороны, для развитого производства рабство является помехой...» «Всякое основанное на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его совершается в большинстве случаев путем насильственного порабощения гибнущего общества другим, более сильным (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор пока эти последние, в свою очередь, имеют своей основой рабский труд, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на более высокой ступени, пока наконец (Рим) не происходит завоевание таким народом, который вместо рабства вводит новый способ производства. Либо же рабство отменяется насильственно или добровольно, и в таком случае *прежний способ производства гибнет*: место крупных плантаций занимает парцеллярное хозяйство скваттеров, как в Америке. Таким образом от рабства погибла также и Греция, и еще Аристотель заметил, что общение с рабами деморализует граждан, не говоря уже о том, что рабы делают для граждан труд невозможным»³³.

²⁹ Там же, стр. 165.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 71.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 186—187.

³² Там же, стр. 185—186.

³³ Там же, стр. 643.

В классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс уделяет много места выяснению причин появления в обществе классового неравенства. Кабальная зависимость, ростовщичество, земельная собственность, концентрация и централизация богатств в руках немногочисленного класса приводили, с одной стороны, к росту обнищания масс, к увеличению количества бедняков, с другой, — к возникновению новой аристократии богатства, окончательно оттеснившей на задний план старую родовую знать (в Афинах, в Риме, у германцев), если только она с самого начала не совпадала с последней. Это разделение свободных по имущественному состоянию особенно четко прослеживается Энгельсом на греко-римском материале. «... Ни одно законодательство позднейшего времени, — пишет Энгельс, — не бросает должника столь жестоко и беспощадно к ногам кредитора-ростовщика, как законодательство древних Афин и Рима...»³⁴. Наряду с разделением свободных на классы в соответствии с имущественным положением происходило, особенно в Греции, «громкое увеличение числа рабов, принудительный труд которых служил основанием, на котором возвышалась надстройка всего общества»³⁵. Говоря о трех великих формах порабощения, которые соответствуют трем великим эпохам цивилизации, Энгельс называет рабство первой формой эксплуатации, присущей античному миру³⁶. Четырьмя годами позднее в предисловии к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии» Энгельс скажет, что «в азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство, т. е. не столько экспроприация земли у масс, сколько присвоение их личности»³⁷.

Стройная и цельная картина возникновения, развития и исторического значения античного рабства, нарисованная Энгельсом, в основном и главным выдержала испытание временем. Конечно, с тех пор как были изданы работы Энгельса, во многом расширился круг источников, совершенствовались методика и техника научного исследования. Накопление большого археологического материала, данных эпиграфики и памятников материальной культуры создали условия для конкретизации и уточнения некоторых положений этой общей картины. В частности, археологический материал, которым сейчас располагает наука, дает возможность выявить уровень развития производительных сил, при которых возможно зарождение и развитие рабства, изучить различные ступени рабства начиная от самых примитивных, патриархальных форм до античных, наиболее ярким образцом которых является рабство в Риме³⁸. В свете новых данных может быть уточнен вопрос о соотношении рабов и свободных. Как известно, при решении этого вопроса Энгельс опирался на сообщения Афиней (VI, 372), пользовавшиеся в то время доверием исследователей. Однако в конце XIX в. и в начале XX в. в связи с открытием новых источников было доказано, что численность рабов в Афинах была значительно меньше, чем сообщает Афиней.

Как это уже было доказано в советской науке, некоторые объяснимые для времени Энгельса преувеличения относительно численности рабов ни в коей мере не подрывают положения марксизма о существовании рабовладельческой формации, характеризующейся наличием двух основных классов — рабов и рабовладельцев и решающей ролью рабского труда в

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 166.

³⁵ Там же, стр. 167.

³⁶ Там же, стр. 175.

³⁷ Там же, стр. 348—349.

³⁸ А. П. Смирнов, Происхождение рабовладения, сб. «Ленинские идеи из истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», М., 1970, стр. 115, 121—128.

главных отраслях производства. Это положение подтверждается наличием громадного количества различных достоверных источников³⁹.

Исключительно интересно положение «Коммунистического манифеста», что несмотря на поляризацию и социальный антагонизм основных классов докапиталистических эпох их классовое членение более пестро и менее четко по сравнению с четко выраженной классовой структурой буржуазного общества. В докапиталистических формациях мы находим почти всюду полное расчленение общества на различные сословия — целую лестницу различных общественных положений. В древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века — феодалных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов — еще особые градации⁴⁰. Определяя классово-сословную структуру античного общества, Маркс и Энгельс указывали, что свободный и раб, патриций и плебей, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу⁴¹.

Рассматривая экономические и социальные основы античного общества, Энгельс много внимания уделяет изучению других категорий свободного населения, особенно крестьян, борьбы мелкого землевладения с крупным.

Определяя в «Анти-Дюринге» предмет и метод политической экономии, Энгельс, в частности, указывает, что «от способа производства и обмена исторически определенного общества и от исторических предпосылок этого общества зависит и способ распределения продуктов»⁴².

В связи с этим подчеркивается мысль, что как крупное, так и мелкое земледелие, в зависимости от тех исторических предпосылок, из которых оно развилось, допускает весьма различные формы распределения. Однако крупное земледелие всегда обуславливает совсем иное распределение, чем мелкое: первое предполагает или создает противоположность классов, — рабовладельцев и рабов, помещиков и барщинно-обязанных крестьян, капиталистов и наемных рабочих, тогда как при мелком классовые различия между занятыми в земледельческом производстве индивидами отнюдь не необходимы⁴³.

Разоблачая антинаучные построения Дюринга по поводу хозяйственного использования земельной собственности, Энгельс в отличие от своего оппонента, обнаружившего незнание с научной литературой предмета, опираясь на всю современную ему литературу вопроса, приводит большой материал из истории античного землепользования, особенно крупного землевладения, построенного на рабском труде. «В Италии, — писал он, — земля была освоена для земледелия преимущественно крестьянами; когда в последние времена Римской республики крупные комплексы имений — латифундии — вытеснили мелких крестьян и заменили их рабами, то они заменили одновременно земледелие скотоводством и, как

³⁹ ВДИ, № 4, 1959, стр. 8—9; Л е н д м а н, ук. соч., стр. 46—47.

⁴⁰ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 4, стр. 424—425. В «Анти-Дюринге» Энгельс подчеркивает, что у греков и римлян неравенства между людьми играли гораздо большую роль, чем равенство в каком бы то ни было отношении. Древним казалась бы безумием мысль о том, что греки и варвары, свободные и рабы, граждане и клиенты, римские граждане и римские подданные могут претендовать на одинаковое политическое значение. Во время Римской империи все эти различия постепенно исчезли, за исключением различия между свободными и рабами (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 20, стр. 104—105; ср. стр. 107).

⁴¹ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 4, стр. 424.

⁴² К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 20, стр. 151.

⁴³ Там же, стр. 151.

это знал уже Плиний, привели Италию к гибели (*latifundia Italiam perdidere*)⁴⁴». Выступая против дюринговской теории насилия, Энгельс отмечает, что историческая роль насилия в данном случае сводится к зависимости политической силы от экономического развития.

Эту же мысль Энгельс развивает в предисловии к американскому изданию своей работы «Положение рабочего класса в Англии», напечатанной в 1887 г. «Когда во время упадка Римской республики у свободных италийских крестьян были экспропрированы их надель, они образовали класс „белых бедняков“, подобный тому, какой был в южных рабовладельческих штатах до 1861 года; так, при наличии рабов и „белых бедняков“ — двух классов, одинаково неспособных освободить себя, — произошел распад древнего мира»⁴⁵.

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс, развивая эти свои мысли, еще раз акцентирует внимание на том, что крупные землевладельцы и денежные магнаты, которые постепенно поглотили все землевладение разоренных военной службой крестьян, обрабатывали возникшие таким образом громадные имения при помощи рабов, обезлюдив Италию и тем самым проложили дорогу не только императорской власти, но и ее преемникам — германским варварам⁴⁶.

* * *

Наряду с изучением проблемы рабства и выяснением причин утверждения рабовладельческой системы в научном творчестве Энгельса много внимания уделено вопросу происхождения и сущности государственных форм. Этот вопрос — один их животрепещущих в марксистской теории. Маркс и Энгельс развивали свое учение о государстве в непримиримой борьбе как с анархистами, так и с оппортунистами в среде социалистов, которые, распространяя мелкобуржуазные утопии о «надклассовом государстве», не видели, что «имущий класс господствует при помощи всеобщего избирательного права»⁴⁷. В этих условиях крайне необходимы были как строго научный анализ классовой сущности государства, так и беспощадная критика всех буржуазных теорий по этому важнейшему вопросу. Эту задачу с большой силой и мастерством на основе марксистской методологии, с применением новейших научных данных и практического опыта революционной борьбы выполнил Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В ней представлена стройная научная система взглядов на происхождение государства, определена закономерность его возникновения на основе раскола общества на враждебные классы. В этой работе Энгельс убедительно раскрыл процесс возникновения классов, показал роль общественных разделений труда в этом процессе. Родовой строй «был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы»⁴⁸. С новым разделением труда, писал Энгельс, возникает новое разделение общества на классы⁴⁹. Изучив социально-экономические условия зарождения государства, Энгельс доказал, что оно не навязано обществу извне, как это считают буржуазные ученые⁵⁰. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запута-

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 181.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 349.

⁴⁶ Там же, стр. 129.

⁴⁷ Там же, стр. 173.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 169.

⁴⁹ Там же, стр. 163—164.

⁵⁰ Там же.

лось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, необходимо государство⁵¹. В. И. Ленин указывает, что здесь с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и о значении государства⁵².

Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было прежде всего государством рабовладельцев для подавления рабов⁵³.

В работах «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в статьях, направленных против Бакунина и др., Энгельс дал развернутую теорию происхождения государства.

Известно, что все историки до Энгельса, включая таких крупных, как Грот, Нибур и Моммзен, не справились с вопросами о роде⁵⁴. Энгельс проследил разложение родового строя на трех крупных примерах — греков, римлян и германцев — и на всем доступном для него в то время историческом материале показал процесс складывания государственности у греков и римлян. Отмечая главные признаки государства, он выделяет из них два. Во-первых, территориальное деление населения. Если старые родовые организации держались в силу кровных уз, то постепенно в силу того, что на одной и той же территории стали жить представители различных социальных групп, кровнородственные связи и деление все более слабели и в конце концов перестали существовать, уступив место территориальному делению⁵⁵. Во-вторых, публичная власть — власть, стоящая над обществом, отделенная от него и осуществляемая при помощи особых отрядов вооруженных людей и чиновничества, при помощи принуждающих учреждений, неизвестных родовому строю⁵⁶.

Таким образом, по Энгельсу, государство отличается от других учреждений и организаций классового общества тем, что оно является организацией всего господствующего класса, а не части его, что оно имеет руководящий аппарат, при помощи которого господствующий класс получает возможность принудить другие классы выполнять его волю, что для содержания государства собираются с населения налоги, что население разделено по территориальному признаку.

Итак, государство — историческая категория. Оно — продукт разложения родо-племенного строя, оно вырастает с возникновением классов и классовых противоречий и призвано в классовом обществе подавлять угнетенных в угоду эксплуататорам. Энгельс нанес решительный

⁵¹ Там же, стр. 170.

⁵² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 7.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 171. Эту мысль еще раньше высказал Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке». В ней он утверждал, что «государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество в древности оно было государством рабовладельцев-граждан» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 224).

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 102.

⁵⁵ Там же, стр. 168—170.

⁵⁶ Там же.

удар буржуазным, идеалистическим, оппортунистическим концепциям государства. Он не только точно, сугубо научно определил общие закономерности перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу, вскрыл классовую природу государства, но и проследил конкретные формы этого перехода на большом фактическом материале из истории греко-римского мира. Энгельс дал глубокий анализ тех причин, которые вызывали процесс разложения родового строя в древних Афинах и привели к установлению афинского рабовладельческого государства. Он показал, как рост производительных сил привел к разделению труда между земледелием и ремеслом, торговлей и судоходством. Крупные размеры принимала морская торговля по Эгейскому морю. Глубокие экономические перемены в обществе затрудиляли функционирование органов родового строя. Родовая форма вступала в противоречие с классовым содержанием общества⁵⁷.

Первый шаг к подрыву родового строя Энгельс видел в конституции Тезея, согласно которой в Афинах было учреждено центральное управление. Значение этой перемены состояло в том, что она вела к возникновению общего афинского народного права, которое возвышалось над правовыми обычаями отдельных родов. Конституция Тезея установила далее разделение народа на три класса: эвпатридов, геоморов, демигургов. Принципиально важное значение имеет это деление для понимания путей сложения государственности. Энгельс убедительно показывает, какие социально-экономические последствия оно имело в судьбах афинского общества. Прежде всего, оно раскрыло новые, незаметно развившиеся общественные элементы; оно показало, что вошедшее в обычай замещение родовых должностей членами определенных семей превратилось в малооспариваемое право этих семей на занятие общественных должностей. Эти богатые семьи, притязания которых были освящены находившемся еще в зародыше государством, начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс. Оно далее показывает, что разделение труда между крестьянами и ремесленниками упрочилось настолько, что умалило общественное значение прежнего деления на роды и племена. Оно, наконец, провозглашает непримиримое противоречие между родовым обществом и государством⁵⁸.

«Первая попытка образования государства, — говорит Энгельс, — состоит в разрыве родовых связей путем разделения членов каждого рода на привилегированных и непривилегированных и разделения последних, в свою очередь, на два класса соответственно роду их занятий, что противопоставляло их, таким образом, один другому»⁵⁹. Власть знати все более усиливается, в ее руках скапливаются деньги от занятий морской торговлей. Энгельс особенно подчеркивает роль денежного обращения в процессе разложения родоплеменных отношений⁶⁰. Он указывает, что

⁵⁷ С. И. К о в а л е в, Значение «Происхождения семьи» Ф. Энгельса в изучении античного общества, «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., № 7—8, 1935, стр. 89.

⁵⁸ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 21, стр. 111.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ В «Анти-Дюринге» Энгельс указывает, что введение и распространение металлических денег в стране, в которой до сих пор исключительно или преимущественно велось натуральное хозяйство, всегда соединено с более или менее быстрым преобразованием прежнего распределения и именно в том смысле, что оно все более и более выражается в неравенстве между отдельными личностями и, следовательно, порождает и усиливает противоположность между богатыми и бедными (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 20, стр. 151—152). Несколько позднее, в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», давая экономическую характеристику определенной ступени товарного производства, с которой начинается цивилизация, Энгельс отмечал следующие четыре основные признака: а) введение метал-

появление товарного производства дало возможность использовать продукт против производителя для его эксплуатации и угнетения. Социальная дифференциация порождала новые социальные конфликты, которых не знал первобытнообщинный строй. Основная масса земли сосредоточивалась в руках знати. Количество рабов увеличивается и не столько за счет военнопленных, сколько за счет своих же граждан, находившихся в долговой зависимости от привилегированной знати. Привилегированные социальные группы создали специальные органы для защиты своих интересов: была создана военная сила путем учреждения территориальных округов — навкратий, из которых каждый был обязан поставлять определенное количество судов и всадников.

Сильный удар родовому устройству был нанесен конституцией Солона (594 г. до н. э.), которой, по определению Энгельса, открывается ряд так называемых политических революций с вторжением в отношения собственности.

Энгельс показывает эволюцию афинского общества в послесолоновскую эпоху, сопровождавшуюся ростом богатства и усилением социальной борьбы, завершившуюся «революцией Клисфена», венцом которой явилось афинское государство⁶¹.

Заслуживает большого внимания положение Энгельса, что с введением новой организации управления органы родового строя оттесняются от общественных дел и вырождаются в союзы частного характера и в религиозные братства⁶². Энгельс показывает, как органы родового строя постепенно отрываются от своих корней и превращаются в свою противоположность⁶³. В связи с этим представляет интерес выяснить, как были приспособлены старые родовые учреждения к новым задачам, с одной стороны, и как были внедрены новые органы на их место. Энгельс указывает, что лучше всего это можно проследить в древних Афинах.

К новым задачам были приспособлены родовые советы, старая оболочка давала возможность рабовладельческой знати вуалировать классовые противоречия. Ее интересам служили и военные отряды, ставившие своей задачей не только защиту своей территории, но и захват чужой. В ее интересах выступали также религиозные и другие организации идеологического воздействия⁶⁴.

Энгельс указывает, что в родовом строе из поколения в поколение пробивались различные бреши, что общество с каждым днем вырастало из рамок родового строя, что государство развивалось незаметно⁶⁵.

С исключительной тщательностью на истории Афин прослеживаются Энгельсом все изменения, происходившие в родовом строе, и медленное его разрушение: смещение членов различных родов между собой на территории Аттики, более полное разделение труда между различными отраслями производства и вместе с этим разделение населения по своим занятиям на довольно устойчивые группы, значительный рост количества рабов, наплыв иностранцев в результате развития торговли и другие изменения привели родовой строй к его логическому концу.

Свое рассмотрение истории возникновения афинского государства как

лических денег, а вместе с тем и денежного капитала, процента и ростовщичества; б) появление купцов как посреднического класса между производителями; в) возникновение частной собственности на землю и ипотеки; г) появление рабского труда как господствующей формы производства (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 175—176).

⁶¹ Там же, стр. 117.

⁶² Там же, стр. 118.

⁶³ Там же, стр. 164.

⁶⁴ Смирнов, ук. соч., стр. 132.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 113—114.

типичного примера образования государства вообще Энгельс завершает характеристикой специфических особенностей, присущих афинскому обществу. Здесь, во-первых, возникновение государства произошло «в чистом виде, без всякого насильственного вмешательства, внешнего или внутреннего». Во-вторых, афинское государство возникло «непосредственно из родового общества» в весьма высокой форме развития, в форме демократической республики ⁶⁶.

Что касается возникновения Римского государства, то и этому вопросу Энгельс уделил много внимания. Энгельс хорошо изучил первоначальный общественный строй римлян, применил метод параллельного изучения общественных институтов греков и римлян, выявил общие закономерности и специфические особенности их исторического развития.

В Риме в ранний период, в отличие от Афин, образовался широкий слой населения — плебс, находившийся вне рамок родовой организации, и, следовательно, лишенный прав. Здесь родовое общество превращается в замкнутую аристократию среди многочисленного, вне его стоящего, бесправного, но несущего обязанности плебса. В борьбе между плебсом и *patricii* Энгельс видит причину распада родового строя, вместо которого было создано «новое, действительно государственное устройство, основанное на территориальном делении и имущественных различиях» ⁶⁷.

Выводы Энгельса об основных этапах развития государства у афинян и римлян в основе своей остаются непоколебленными. Сделанные главным образом по письменным источникам они в основном и решающем были подтверждены в ходе дальнейшего накопления источников, в частности, археологического материала.

Со времени выхода в свет последнего издания книги Энгельса, которую он, как известно, не раз дополнял, в области греко-римской истории были сделаны новые крупные открытия ⁶⁸ — археологические памятники Крита и Микен, исследована найденная «Афинская политика», произведена дешифровка микенского письма *B*, сильно продвинулась филология и техника критического анализа литературных памятников, особенно гомеровских поэм.

Несмотря на эти открытия, нарисованная Энгельсом картина социально-экономического развития Эллады в период разложения первобытно-общинного строя и возникновения классов и государства в Аттике остается верной не только в целом, но и во многих частностях ⁶⁹. Вместе с тем, эти открытия вносят некоторые важные коррективы в понимание ряда вопросов древнегреческой истории.

Современная Энгельсу наука рассматривала гомеровское общество как единое и цельное историческое явление, что позволяло трактовать его как общество, возникшее на базе одних только родовых порядков ⁷⁰. Ныне неопровержимо доказан факт многослойности гомеровского эпоса, а также положение о том, что характеристика Энгельса может быть отнесена не к гомеровским поэмам в целом, а лишь к их более позднему слою ⁷¹. Что касается раннего слоя, то он относится к микенскому обществу, которое предшествовало гомеровскому. Памятники материальной культуры

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 119.

⁶⁷ Там же, стр. 128—129.

⁶⁸ Энгельс сам отмечал, что гомеровскому обществу предшествовал длительный период, история которого была еще тогда мало разработана. «Греция уже в героический период, — пишет он, — вступает в историю расчлененной на сословия, что в свою очередь было только очевидным результатом более или менее длительной, неизвестной нам предыстории» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 181.)

⁶⁹ ВДИ, 1959, № 4, стр. 6—7.

⁷⁰ Ленинский, ук. соч., стр. 45.

⁷¹ ВДИ, 1959, № 4, стр. 8.

и линейного письма В свидетельствуют о классовом характере микенского общества. В советской науке проф. С. Я. Лурье высказал определенное мнение, что греческие общества микенской эпохи были не примитивными родовыми общинами, «военными демократиями», а централизованными государствами с большим бюрократическим аппаратом, частной собственностью на землю и развитым земледелием⁷². Правда, все эти вопросы еще требуют дополнительного изучения, но уже сейчас ясно, что следует отказаться от характеристики гомеровского общества как единого целого⁷³.

С другой стороны, большое многообразие конкретно-исторических форм перехода к классовому обществу не укладывается в общее универсальное понятие «военная демократия». К тем классическим примерам, которыми оперирует Энгельс, можно добавить еще много других, подтверждающих правомочность этого понятия⁷⁴. Вместе с тем большой этнографический материал представляет науке новые данные, содержание которых не укладывается в определение «военная демократия». Поэтому некоторые исследователи предлагают отказаться от этого термина и заменить его более универсальным понятием⁷⁵. Но несмотря на все многообразие этих форм, им присущи определенные общие закономерности, которые были вскрыты Энгельсом.

* * *

Исключительно велика роль Энгельса в выяснении значения армии как важной функции государства и неперемennого его атрибута. Без особых отрядов вооруженных людей оно не смогло бы обеспечить господство класса эксплуататоров, проводившего силой оружия свою политику внутри и вне страны.

Энгельс был выдающимся военным теоретиком, знатоком военного дела⁷⁶. Разработка им военной науки была подчинена одной цели — вооружить и подготовить пролетариат к решающим битвам с буржуазией.

Обобщенную формулировку положений марксизма на этот счет Энгельс дал в «Анти-Дюринге». Эрудиция и всесторонние знания Энгельса по военным вопросам были высоко оценены Марксом⁷⁷. На конкретном

⁷² С. Я. Лурье, Язык и культура Микенской Греции, М., 1957, стр. 41.

⁷³ Ленцман, ук. соч., стр. 46; ср. Папазоглу, К вопросу о преемственности общественного строя в Микенской и Гомеровской Греции, ВДИ, 1961, № 1, стр. 23—41.

⁷⁴ В. И. Авдиев, Военная демократия и классовый характер древнейшего государства, ВИ, 1970, № 1, стр. 89—102.

⁷⁵ См. ВДИ, 1953, № 4, стр. 108. А. М. Хазанов предлагает заменить термин «военная демократия» термином «эпоха классового образования», точнее передающим смысл разования, ВИ, 1968, № 12, стр. 90, 96).

⁷⁶ Военными науками Энгельс начинает интересоваться очень рано. Они становятся любимыми его занятиями с тех пор как он отбывал воинскую повинность в Берлине в 1841—1842 гг. в качестве вольноопределяющегося артиллерийской бригады. Во время революции 1848 г. в связи с потребностями вооруженной борьбы Энгельс еще более углубил свои военные знания. Основательно он стал изучать военное дело с ноября 1850 г. со времени переезда его в Манчестер. В письме к Иосифу Вейдемейеру от 19 июня 1851 г. Энгельс сообщает ему, что с тех пор, как он переселился в Манчестер, «начал зубрить военные науки». Он выразил желание работать в этом направлении и достигнуть в этой области того, чтобы «я мог высказывать известные теоретические суждения...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 483).

⁷⁷ 25 сентября 1857 г. Маркс писал Энгельсу: «Твоя „Армия“ великолепна». Маркс сделал только три указания, чем следовало бы эту статью пополнить: сведения об армиях древних азиатских народов (персы), получивших потом развитие у монгольских и тюркских народов, об армии карфагенян и об итальянском военном искусстве XV и начале XVI в. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 154).

материале, в частности истории античных армий, Ф. Энгельс убедительно доказал важное положение марксизма о том, что ничто так не зависит от уровня производительных сил и характера производственных отношений, как армия, ее организация, стратегия и тактика.

Энгельс требует учитывать всегда изменяющиеся условия ведения войны. Изучая войны Рима, он указывает, что африканская высадка римлян во время второй Пунической войны стала возможна лишь после того как был уничтожен цвет карфагенской армии в Испании и в Италии, а пунический флот вытеснен из Средиземного моря; нападение было не нападением, а очень солидной военной операцией, которая была вполне естественным завершением продолжительной и благоприятной для Рима войны. «Третью же Пуническую войну едва ли можно назвать войной; это было простое покорение слабейшего противника в десять раз сильнейшим»⁷⁸.

Энгельс дал ряд глубоких характеристик полководцам и военным деятелям. Из полководцев древности он особенно высоко ставил Эпаминонда, Александра Македонского, Ганнибала, Цезаря. Вместе с тем он специально отмечал, что все организационные, тактические и стратегические формы армии не могли быть созданы полководцами, как бы гениальны они ни были. Их выдвигала сама жизнь, социально-экономические условия того или иного исторического периода; «влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и новым бойцам»⁷⁹.

* * *

Поскольку философские представления древних входили в одну нерасчлененную науку и философские теории были в то же время и естественнонаучными теориями, философские проблемы в работах Энгельса, касающихся истории философии и науки в древности, непосредственно переплетаются с коренными вопросами естествознания⁸⁰. Развитие философии, естествознания и истории вообще представляет неразрывное единство. Это положение особенно ярко развито Энгельсом в «Диалектике природы». Указывая на неразрывную связь философских исследований греков с естественнонаучными взглядами, от которых они не были в то время дифференцированы, Энгельс подчеркивает, что древнейшие греческие философы были одновременно естествоиспытателями, поэтому знакомство с греческой философией очень важно для изучения естественных наук. Он объясняет эту тесную связь философии с естествознанием тем обстоятельством, что в греческой философии диалектическое мышление выступает еще в первобытной простоте, природа еще рассматривается в общем, как одно целое; всеобщая связь ее явлений не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания. Энгельс видит в этом недостаток греческой философии, из-за которого она должна была впоследствии уступить место другим воззрениям. Но вместе с тем в этом он видел и ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими противниками, которые правы по отношению к грекам в подробностях, в то время как греки правы по отношению к метафизике в целом. «Это одна из причин, — писал Энгельс, — заставляющих нас все снова и снова возвращаться к философии, как и во многих других областях, к достижениям того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечили ему в истории развития человечества место, на какое не может претендовать ни один другой на-

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 224.

⁷⁹ Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 171.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 20.

род»⁸¹. В качестве другой причины Энгельс выдвигает то, что в многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений. Поэтому и теоретическое естествознание, если оно хочет проследить историю возникновения и развития своих теперешних общих положений, вынуждено возвращаться к грекам⁸².

Марксу и Энгельсу принадлежит величайшая заслуга в деле открытия основных закономерностей развития античной философии. Разрабатывая основные принципы истории философии как науки, они выставили требование, чтобы философия рассматривалась с точки зрения борьбы двух направлений—материализма и идеализма. Уже в «Святом семействе» Маркс и Энгельс вплотную подходят к раскрытию двух линий в философии, показывая, что критическая оценка философской системы должна исходить из ее классовых корней.

Начало раскола философской мысли на материализм и идеализм существовало, указывает Энгельс, уже в наивно-материалистическом мировоззрении греков⁸³.

Внимание Маркса и Энгельса было обращено, главным образом, на изучение материалистического мировоззрения древних, которое было у них чем-то само собой разумеющимся, потому что «материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений»⁸⁴.

Основоположники марксизма раскрыли основные особенности античного материализма, его ограниченность и слабость в решении основного вопроса об отношении мышления к бытию. Они впервые дали научную оценку ионийским материалистам, выяснили историческое значение античной атомистики (Левкипп, Демокрит, Эпикур), системы Аристотеля. Они обратили внимание на наивный, стихийный характер античного материализма, объяснявшийся слабостью развития естественнонаучных знаний. Они исправили ошибки и извращения в толковании атомистической философии, охарактеризовали Левкиппа как ее родоначальника, Демокрита — как гениального ученика Левкиппа, развившего далее атомистику. Эпикур, говорит Энгельс, «по-своему уже знал атомный вес и атомный объем»⁸⁵.

Большое значение придавали Маркс и Энгельс изучению сущности античной диалектики. «Древнегреческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками», — пишет Энгельс⁸⁶. Они утверждали, что вся природа находится в вечном возникновении и исчезновении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении⁸⁷. Энгельс говорит о наивном характере античной диалектики, о первобытной простоте этой диалектики, которая не стала и не могла стать научным методом познания природы и общества, а была лишь гениальной догадкой. Хотя всеобщая связь явлений не доказывалась, тем не менее, историческая ценность античной диалектики заключается в том, что она верно схватывала общий характер всей картины явлений. Поэтому первоначальный, наивный взгляд на мир у древнегреческих диалектиков был верным взглядом.

Энгельс писал о Гераклите как о философе, впервые выразившем отчетливо первоначальный, наивный, но по существу правильный взгляд на мир: все существует и в то же время не существует, так как все течет, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникнове-

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 369.

⁸² Там же.

⁸³ Там же, стр. 504.

⁸⁴ Там же, стр. 513.

⁸⁵ Там же, стр. 367—368.

⁸⁶ Там же, стр. 19.

⁸⁷ Там же, стр. 354.

ния и исчезновения⁸⁸. Особенно высокую оценку дает Энгельс диалектике Аристотеля: «Что же касается диалектики, то до сих пор она была исследована более или менее точным образом лишь двумя мыслителями: Аристотелем и Гегелем»⁸⁹.

* * *

В трудах Энгельса дан всесторонний анализ основных причин кризиса рабовладельческих отношений и связанных с ними институтов античного общества. Так, в работе «Бруно Бауэр и ранее христианство» в связи с рассмотрением социально-экономических причин появления новой религии много места уделяется материальному и моральному состоянию Римской империи, в которой, по Энгельсу, происходит в то время всеобщее экономическое, политическое, интеллектуальное и моральное разложение⁹⁰. При рассмотрении политических и социальных особенностей народов Римской империи он особенно обращает внимание на римские завоевания и на их пагубные последствия для развития покоренных стран и народов. Эти завоевания, прежде всего, разрушили политические порядки и старые общественные условия; вместо прежнего сословного деления было установлено простое различие между римскими гражданами и негражданами или подданными государства. Вымогательства от имени Римского государства подняли исключительные размеры. Если в интересах последнего и делались попытки ограничить неистовую жажду обогащения со стороны провинциальных наместников, то вместо этого ограничения «появились все сильнее действующие и все ту же завинчиваемые тиски налогов в пользу государственной казны — высасывание средств, которое действовало страшно разрушительно». Кроме всего этого, в завоеванных странах действовал римский правопорядок. Все решения выносились на основе римского права, а местные общественные порядки, противоречившие нормам этого права, объявлялись недействительными. В силу этого обстоятельства общественные отношения в провинциях все больше и больше приближались к общественным отношениям в столице и в Италии⁹¹. В противовес буржуазной науке Энгельс подчеркивает отрицательную сторону романизации, видит в ней трагический конец римского государства.

Что касается социальных отношений, то Энгельс делит население на три класса, представляющие собой смесь самых разнообразных элементов и народностей: на богачей, среди которых было немало вольноотпущенников, крупных землевладельцев, ростовщиков, которые также испытывали гнет императорской власти (особенно в период от Тиберия до Нерона стало обычным явлением приговаривать богатых римлян к смерти, чтобы присвоить их состояние), на неимущих свободных, которые кормились в Риме за счет государства, а в провинциях обязаны были сами заботиться о себе и поэтому находились в тяжелом положении: они должны были работать, да еще в условиях конкуренции рабского труда; что касается свободных владельцев земли — крестьян, связанных или с общинной собственностью или, как в Галлии, находившихся в долговой кабале у крупных землевладельцев, то они меньше всего были затронуты «общественным переворотом»; наконец, на огромную массу рабов, бесправных и безвольных, которые не могли сами освободить себя⁹². Все это порождало всеобщее бесправие и отчаяние, материальную и моральную нищету.

Более подробно все эти вопросы Энгельс рассматривает в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Здесь со-

⁸⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 20.

⁸⁹ Там же, стр. 367.

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 313.

⁹¹ Там же, стр. 310.

⁹² Там же, стр. 310—311.

стояние римского общества, которое Энгельс называет отчаянным, показано на фоне тех результатов римского мирового владычества, нивелирующий рубанок которого проходил в течение столетий «по всем странам бассейна Средиземного моря»⁹³. Энгельс подчеркивает, что уже начиная с последних времен республики римское мировое владычество основывалось на беспощадной эксплуатации завоеванных провинций; империя не только не устранила этой эксплуатации, а напротив, превратила ее в систему. Римское государство сделалось злейшим врагом и угнетателем громадной массы людей, живших на огромной территории. Оно «превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных»⁹⁴. Энгельс резко подчеркивает глубокую нищету населения в результате многочисленных налогов, государственных повинностей и разного рода поборов, а также невыносимых вымогательств наместников, сборщиков налогов и солдат. Порядок Римского государства с его мировым господством «был хуже злейшего беспорядка...»⁹⁵. Характеризуя конечный результат римского мирового владычества, Энгельс констатирует: «Всеобщее обнищание, упадок торговли, ремесла и искусства, сокращение населения, запустение городов, возврат земледелия к более низкому уровню»⁹⁶.

Исключительно важен тезис Энгельса о том, что античное рабство пережило себя. В крупном сельском хозяйстве, в городских мануфактурах рабский труд не приносил дохода. В мелком земледелии и мелком ремесле он не мог найти применения. Место для рабов оставалось только в домашнем хозяйстве богачей. Рабство сделалось невозможным экономически, оно перестало окупать себя и потому отмерло⁹⁷. Римский мир попал в безвыходный тупик: рабский труд уже не мог быть основной формой общественного производства, а труд свободных еще не мог стать ею. Выход из этого состояния Энгельс видел в коренной революции⁹⁸.

Немаловажное значение в выяснении причин гибели Римской империи имеет положение Энгельса о роли варваров в этом процессе. Из этого тупика без помощи извне невозможно было выйти на новый путь поступательного движения, понадобилось нашествие варваров с их родовым строем, чтобы «омолодить дряхлый мир гнущей цивилизации», чтобы ее производительные силы освободились от оков рабовладельческих производственных отношений.

Энгельс всесторонне рассмотрел конкретное значение варварских вторжений и убедительно показал две стороны этого процесса. С одной стороны, их отрицательную роль, связанную с серьезным уроном производительным силам Западной Европы и вредом для населения, который эти вторжения принесли, с другой стороны, их положительное историческое значение. Характеризуя то положительное, что принесли варвары, Энгельс прежде всего исходит из уровня их социального развития, а не каких-либо этнических, расовых и других качеств, именно из их варварства. «Все жизнеспособное и плодотворное, что германцы привили римскому миру, — писал он, — принадлежало варварству. Действительно, только варвары способны были омолодить дряхлый мир гнущей цивилизации. И высшая ступень варварства, до которой и на которую поднялись германцы перед переселением народов, была как раз наиболее благоприятной для этого процесса. Этим

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 146.

⁹⁴ Там же, стр. 147.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же, стр. 148.

⁹⁷ Там же, стр. 149.

⁹⁸ Там же.

объясняется все»⁹⁹. Именно эти черты имеет в виду Энгельс, когда, в частности, отмечает роль германских племен в оживлении умиравшей Европы. Он подчеркивает, что эти племена вдохнули в нее новую жизненную силу не потому, что они обладали прирожденным чудодейственным могуществом, как это излагает немецкая шовинистическая историография, омолодили Европу не их специфические особенности, а просто «их варварство, их родовой строй»¹⁰⁰.

В работе «К истории первоначального христианства» Энгельс снова уделяет место вопросу о кризисе Римской империи, результатам римского мирового господства, действиям нивелирующего железного кулака римского завоевателя, все сметавшего с лица земли¹⁰¹. Он говорит здесь о военном насилии, римском судопроизводстве, римском податном аппарате, которые разрушали внутреннюю организацию покоренных стран, о грубом грабеже со стороны военных и гражданских властей, которые сперва отнимали у покоренных их сокровища, а затем давали им их же займы за ростовщические проценты, чтобы дать им возможность выплачивать новые поборы.

Налоговое бремя и вызванная им нужда в деньгах в районах чистого или преобладающего натурального хозяйства все глубже ввергали крестьян в кабальную зависимость от ростовщиков, порождали крупное имущественное различие, обогащали богатых, доводили до полной нищеты бедных. А всякое сопротивление отдельных мелких племен или городов гигантской римской мировой державе было безнадежно¹⁰².

Следует подчеркнуть, что при рассмотрении проблемы крушения античного общества Энгельс переносит центр тяжести на внутреннюю закономерность развития самого этого общества. Так, говоря о причинах гибели афинского государства, он обращает внимание на процесс накопления и концентрации богатств в руках немногих, с одной стороны, и на обнищание массы свободных граждан, с другой. Последним оставалось на выбор: или вступить в конкуренцию с рабским трудом, самим взявшись за ремесло, или же превратиться в нищих; в тех условиях они неизбежно шли по второму пути, а так как они составляли массу населения, то это привело к гибели и все афинское государство. «Не демократия погубила Афины, как это утверждают европейские школьные педанты, пресмыкающиеся перед монархами, а рабство»¹⁰³.

Ту же закономерность Энгельс обнаруживает и при рассмотрении конечной причины упадка Рима. Эту причину он видит в образовании нового класса «крупных землевладельцев и денежных людей, которые постепенно поглотили земельную собственность разоренных крестьян, обрабатывали громадные имения руками рабов, довели Италию до обезлюдения», а государство до его падения¹⁰⁴.

В трудах Ф. Энгельса, таким образом, намечены основные линии, которые определили гибель античного рабовладельческого общества, и рассмотрены все коренные вопросы античной греческой и римской цивилизации от колыбели до ее могилы¹⁰⁵. Хорошее знание источников и мастерское владение марксистской методологией делают труды Энгельса, касающиеся проблем древней истории, образцом для дальнейших исследований историков-марксистов в этой области.

⁹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 155.

¹⁰⁰ Там же, стр. 154—155.

¹⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 482.

¹⁰² Там же, стр. 483.

¹⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 119.

¹⁰⁴ Там же, стр. 129.

¹⁰⁵ Там же, стр. 146.

FRIEDRICH ENGELS — STUDENT OF ANCIENT HISTORY

by A. S. Shofman

A great deal of the scientific work done by Karl Marx's great collaborator Friedrich Engels was devoted to the field of ancient history. The approach of Engels to this subject was strictly historical. He criticised attempts to impose the laws governing modern social evolution upon the social relations of antiquity and insisted that ancient society must be studied in the light of its own inherent laws.

Engels investigated all essential aspects of ancient Greek and Roman civilisation of all periods. As early as the 1840's, while working out the theory of communism, Marx and Engels paid special attention to economic questions, especially to questions of property. Central to all Engels's writings on ancient economy is the thesis that this economy was based on slavery, that upon the basis of slavery the economic, political and cultural life of ancient Greece and Rome evolved. Engels was the first Marxist to pose the problem of the universal historical significance of slavery. He became interested in this problem at the beginning of his scientific and revolutionary career, when he took up the study of other forms of exploitation, in particular the exploitation of the modern proletariat and the paths leading to the emancipation of this class. Engels drew a complete and coherent picture of the rise, development and historical significance of ancient slavery and of the crisis into which this institution led and in which were also involved other ancient institutions connected with slavery.

Besides the problem of slavery, of the origins and ultimate collapse of the slave system, Engels devoted much attention to studying the forms of the ancient state, their origins and essential meaning. He worked out a complete system of theoretical tenets on the origin of the state, defined the laws governing the transition from primitive communal society to class society, revealed the class character of the state and traced out the concrete forms of this transition through a wide range of factual material on Graeco-Roman history.

An exceptionally important part of Engels's work in this field is his research in military history, on the role of the army as an important function and indispensable attribute of the state. Engels worked through an enormous mass of material on the history of wars and conquests, the evolution of weapons and methods of warfare, the interrelation of military organisation with the class structure of society and with different stages in the evolution of the forces of production.

Thanks to his extensive knowledge of philosophy and the natural sciences, Engels was able to make a serious contribution also in this field of ancient studies, in particular by his analysis of the continuum which these two branches of knowledge represented in the minds of the ancients.

New discoveries, improved methods and techniques of research bring with them important correctives in our understanding of certain aspects of ancient history (the relations between slave and free, Homeric society and military democracy, the relations between Rome and her provinces). But none of these particular addenda and corrigenda shake the fundamental theses established by Engels on the basis of a sound knowledge of the sources, a profound grasp of the essentials in dealing with historical phenomena and full mastery of the Marxist method.
